

ДОЧЬ ПАСТОРА.
СЫН ПОПЕЧИТЕЛЯ ЦЕРКВИ.
ГРЕХ, КОТОРЫЙ СТАНЕТ ИСКУШЕНИЕМ.

Искушая
ЭЛИЗАБЕТ

САША ФОРЖ

Если незнакомец приставит нож
к твоей щеке,

ты подставишь вторую?

18+

САША ФОРЖ

Искушая Элизабет

<https://litres.ru/74190418>

SelfPub; 2026

Аннотация

ОТРАЖЕНИЕ

Я была послушной дочерью, идеальной христианкой, тихим отражением чужих ожиданий.

Улыбалась вовремя и молчала тогда, когда нужно было молчать. Верила или притворялась, что верю.

Пока однажды ночью не начала писать правду. Я думала, что в темноте экрана я в безопасности.

Я ошибалась.

Кто-то читал каждое слово. Кто-то знает, кто я на самом деле - и теперь этот кто-то владеет мной так, как никогда не владел Бог.

Я чувствую его взгляд на своей коже каждое воскресенье. Я должна убежать.

Но вместо этого я считаю дни до следующей встречи.

ИСКУСИТЕЛЬ

Я приехал в этот город ради живой мести.

Но стоило мне увидеть, как она держит спину слишком прямо для человека, которому нечего скрывать, - и стал одержим ею.

Она думает, что пишет в пустоту. Но ошибается.

Я знаю каждую её трещину. Я охочусь на нее.

Она называет меня своим кошмаром.

Я называю себя её единственной правдой.

Я обещал себе, что заберу у этого города всё, что он отнял у меня.

Теперь я хочу забрать только её.

Содержание

ПРОЛОГ

5

Конец ознакомительного фрагмента.

19

САША ФОРЖ

Искушая Элизабет

ПРОЛОГ

ПРОЛОГ ОТРАЖЕНИЕ

Неделей ранее.

Солнце просачивалось сквозь занавески, расчерчивая пол моей комнаты золотистым светом. Вчера я осталась с ночёвкой у родителей, в комнате, которая годом ранее принадлежала мне. Я лежала на кровати, раскинув руки в стороны, и смотрела, как пылинки танцуют в этих световых столбах, медленно, лениво, словно у них тоже было воскресное утро и никуда не надо было спешить. В доме пахло корицей и ванилью, наверняка мама пекла булочки с яблоком, я так люблю, когда она их печёт. Где-то внизу звенела посуда, слышался приглушённый голос папы, он разговаривал по телефону с кем-то из попечителей, его голос был ровным и спокойным, без того волнения, которое появится в нём позже.

Я потянулась, чувствуя, как хрустят позвонки, и улыбнулась сама себе. Сегодня будет хороший день. Я чувствовала это кожей. Всё было правильно. Всё было на своих местах. Я встала с кровати, подошла к окну и отодвинула за-

навеску шире. Наш городок Миствейл просыпался — аккуратные домики с черепичными крышами, утренний туман, всё ещё цепляющийся за кроны. Где-то вдалеке, за холмами, виднелся шпиль церкви — тёмный и устремлённый в небо. Я смотрела на него и чувствовала спокойствие. Церковь была центром моего мира. В этом городе, среди этих людей, я знала, кто я есть и где я точно нужна.

Я встала с кровати, подошла к окну и отодвинула занавеску шире. Наш городок Миствейл просыпался: аккуратные домики с черепичными крышами, утренний туман, всё ещё цепляющийся за кроны. Где-то вдалеке, за холмами, виднелся шпиль церкви, тёмный и устремлённый в небо. Я смотрела на него и чувствовала спокойствие. Церковь была центром моего мира. В этом городе, среди этих людей, я знала, кто я есть и где я точно нужна.

Я надела своё любимое платье, нежно-голубое, с кружевным воротничком, которое так нравилось маме. Застегнула на воротнике последнюю пуговицу. Волосы собрала в низкий хвост, оставив несколько прядей обрамлять лицо. Блеск на губах, совсем немного. Папа всегда говорил: «Скромность украшает женщину, Элизабет». Я кивала и убирала яркую помаду обратно в ящик. Это было не сложно. Это было правильно.

Внизу меня уже ждал завтрак. Папа сидел во главе стола, в своей лучшей белой рубашке, с Библией рядом с тарелкой. Мама хлопотала у плиты, и от неё пахло мукой и теплом.

Они улыбнулись, когда я вошла.

— Доброе утро, солнышко, — папа отложил книгу. — Готова славить Господа?

— Всегда, пап, — я чмокнула его в щёку и села за стол. Булочки были горячими, с хрустящей корочкой и нежной начинкой. Я откусила кусочек и прикрыла глаза от удовольствия. Мама улыбнулась своим мыслям, я видела, как на её лице появилась та мягкая, мечтательная улыбка, которая бывает у неё редко. — Хорошо, что сегодня я осталась у вас, иначе в своей крепости я бы даже глаза не открывала, там иногда так... тихо.

— Ты имеешь право приходить к нам и занимать свою комнату, когда захочешь, милая, — протянул папа, беря в руки вилку и поправляя салфетку на коленях. — Но не забывай, что у нас с мамой много забот в церкви, а ты уже такая взрослая, когда дело касается службы, мы всегда тебе рады. — Папа подмигнул.

Они правда всегда мне рады. Иногда я думаю, что им не хватает моего присутствия в доме, но ко мне они никогда не навешиваются, сколько бы я ни уговаривала, всё тщетно. Они стараются держаться подальше от моего поместья, будто оно чужая, незнакомая территория, а не дом их собственной дочери.

В церкви было многолюдно. Народ собирался на ступенях, обмениваясь приветствиями, воскресными улыбками и новостями о детях, здоровье и урожае. Миссис Гарт, по-

жилая женщина с вечно недовольным лицом, сегодня почему-то улыбалась во весь рот. Мистер Барроуз, который всегда выглядел немного уставшим, держал под руку свою жену и выглядел почти счастливым.

— Элиза! — звонкий голос Марты разнёсся над толпой. Она бежала ко мне с такой радостью, словно мы не виделись целую вечность, а не пять дней. Её светлые волосы аккуратно уложены в пучок, на лице — ровно столько косметики, сколько позволялось молодой христианке. Она была воплощением той самой пастельной идеальности, которую так ценила наша община. — Как дела? Как учёба? Ты выглядишь просто прекрасно!

— Спасибо, Марта, — я улыбнулась в ответ. — Учёба идёт хорошо, профессор Харгривз задал кучу литературы, но я справляюсь. А у тебя?

— О, у меня просто замечательно! — она загадочно улыбнулась, и в её глазах мелькнул тот самый блеск, который я не могла объяснить. Она перевела взгляд на дверь, куда входил Деклан в своём неизменном ярком шарфе, и на мгновение замешкалась. — Ой, прости, мне нужно... мне нужно сказать кое-что миссис Гарт. — Она легко коснулась моего плеча и упорхнула, оставляя за собой лёгкий запах цветочных духов.

Провожая взглядом её удаляющуюся фигуру, я заметила, как она остановилась у входа, обменявшись с Декланом быстрым взглядом — тем самым, который я не смогла бы описать, но который заставил меня слегка наморщить лоб.

Я, пожалуй, немного криво истолковала их общение. Во мне проснулась не совсем свойственная мне зависть — Марта так сияла своей верой, что я почти почувствовала себя серой и неприметной рядом с ней. Мне казалось, что, должно быть, я стала меньше молиться в последнее время. Учёба, переезд, это дурацкое поместье — я позволила мирским заботам заполнить моё сердце, и теперь, глядя на Марту, я видела, как далеко отстою от её искреннего рвения. Я мысленно пообещала себе вечером найти время для долгой молитвы.

— Марта сегодня просто сияет, — сказала мама, подходя ко мне, пока мы шли внутрь. — Такая радость в Господе... Хороший пример для всех нас.

Я кивнула. Хороший пример. Думаю, да.

Проповедь папы была посвящена честности. О том, что нужно быть честным перед Господом, перед общиной и перед самим собой. Он говорил так красиво и искренне, что в какой-то момент я почувствовала, как слёзы подступают к глазам. Он прав. Надо быть честным. Надо стремиться к свету. Я смотрела на него, на его руки, лежащие на кафедре, на его лицо, озарённое светом из витражей, и думала: я хочу быть такой. Твёрдой в вере, неколебимой, чистой.

Служба закончилась, и мы начали расходиться по домам. У выхода из церкви я заметила Зою. Она стояла чуть поодаль, прислонившись к стене. Её тёмные волосы были небрежно собраны в пучок, под глазами залегли лёгкие те-

ни — видимо, тоже долго не спала или переживала из-за чего-то.

— Зои! — я подошла к ней. — Ты в порядке? Выглядишь немного уставшей.

Она вздрогнула, как от неожиданности, и резко подняла на меня глаза. В них мелькнуло какое-то странное выражение — почти испуг. Но оно исчезло так же быстро, как появилось, сменившись привычной, немного дерзкой улыбкой.

— Элиза! Привет. Всё нормально, просто не спала ночью. Читала кое-что... ну ты знаешь, затянуло. — Она закатила глаза, и в её голосе проскользнула привычная непринуждённость. — Как твоя проповедь? Твой папа, как всегда, был на высоте. Он так красиво говорил о честности — аж мурашки по коже.

— Он умеет убеждать, — улыбнулась я. — Слушай, я заметила, ты сегодня почти не пела. Всё в порядке?

— Всё замечательно, — она отмахнулась, и в этом жесте мне почудилось что-то почти раздражённое.

Мы немного помолчали. Я смотрела на неё и пыталась понять, что именно изменилось.

— Кстати, — сказала я, чтобы сменить тему, — родители хотели пригласить вашу семью, Марты и Деклана на ужин сегодня. Скажешь своим? Им можно будет передать приглашение?

— Конечно, — она снова кивнула, и на этот раз её улыбка стала чуть более живой. — Я передам. Ты ведь тоже там

будешь?

— Буду, — я взяла её за руку на мгновение. — Мы давно не собирались все вместе. Будет хорошо.

Зои сжала мою руку в ответ, и в этом жесте было что-то почти отчаянное. Я не придавала этому значения.

Вечером того же дня мы собрались за большим дубовым столом в родительском доме. Стол был накрыт белой скатертью, которую мама доставала только по особым случаям: её бабушкино кружево, которое она хранила как зеницу ока, и хрустальные вазы, наполненные летними цветами. В центре стола возвышалось блюдо с запечённой курицей, вокруг неё — горки овощей и свежий хлеб. Свечи в подсвечниках ещё не были зажжены, но приглушённый свет ламп с абажурами создавал уютную, почти праздничную атмосферу. Запах мяты и розмарина смешивался с ароматом воска и дерева, и всё это было таким родным, таким правильным, что я чувствовала себя в безопасности.

Первыми пришли мистер и миссис Харрисон — родители Зои. Они были очень вежливыми, идеально скроенными людьми, которые всегда точно знали, какую вилку взять для закуски, а какую — для основного блюда. Мистер Харрисон был юристом, говорил ровно, размеренно, с лёгкой улыбкой. Миссис Харрисон — тихая, улыбалась так же ровно, как и её муж. Зои пришла следом за ними, и я заметила, что, несмотря на улыбку на её лице, в глазах всё так же стояла та странная пустота. Она на мгновение встретилась со мной взгля-

дом, и я снова не поняла, что это было.

— Проходите, проходите, — папа широким жестом пригласил всех в гостиную. — Мы так рады, что вы согласились.

Затем пришли Финчи — родители Марты. Они были другими — более расслабленными, громкими, с лёгким налётом богомности. Отец Марты шутил о погоде, мать рассказывала о своей любимой гортензии, которая в этом году расцвела так пышно, что «просто невероятно, вы бы видели». Марта влетела в дом с улыбкой, которая казалась необычайно широкой, даже для неё. Она расцеловала мою маму, обняла папу и тут же начала что-то увлечённо рассказывать Зои, которая слушала её с деланным интересом, кивая через каждые полслова.

Последними пришли Деклан и его мать, миссис Кэмпбелл. Деклан был в том самом шарфе, который я видела в церкви, — клетчатый, нелепый, но почему-то все девушки находили его невероятно милым. Он вошёл с немного рассеянной улыбкой, извинился за опоздание — «задержался в мастерской» — и его глаза на мгновение встретились с глазами Марты. Он прошёл к столу, уселся рядом с ней, и я заметила, как их пальцы почти соприкоснулись, когда он брал салфетку.

Я не обратила на это внимания. Не придавала значения.

За ужином всё шло как по маслу. Папа сказал короткую молитву перед едой, и его голос звучал так же твёрдо и тепло, как всегда. Затем начались разговоры — о последних собы-

тиях в общине, о планах на предстоящий фестиваль урожая, о добрых делах и о том, как Господь благословляет наш маленький городок. Папа говорил о важности духовного воспитания, мама поддерживала его мягкими репликами о необходимости семейных ценностей. Мистер Харрисон делился случаем из своей юридической практики, когда вера помогла одному из его клиентов найти выход из сложной ситуации. Миссис Финч рассказывала о том, как её любимая гортензия «всегда цветёт только после того, как она прочитает вечернюю молитву».

Я слушала, улыбалась, кивала в нужных местах. Курица была сочной, овощи — хрустящими, вино — приятно освежало горло. Мы смеялись над шутками Деклана, которые были, по правде сказать, не самыми остроумными, но все делали вид, что это забавно. Мы говорили о Боге, о вере, о планах на будущее — везде маячила церковь, община, служения, правильные слова.

В какой-то момент я заметила Зои. Она сидела напротив меня, и её тарелка была почти полной, хотя ужин уже подходил к середине. Она водила вилкой по картофельному пюре, не отрывая взгляда от тарелки, словно пыталась нарисовать в нём какой-то невидимый узор. Бокал стоял почти нетронутый, а кусочек курицы лежал на её тарелке, как невеста откуда взявшийся предмет.

— Зои, — тихо спросила я, стараясь не привлекать внимания, — ты не хочешь есть? Всё очень вкусное.

Она подняла на меня взгляд. На мгновение мне показалось, что она хотела что-то сказать — что-то важное, что следовало бы с её губ, если бы я чуть больше надавила. Но она лишь слегка улыбнулась и покачала головой.

— Я немного переволновалась перед ужином, — ответила она. — Но всё хорошо. Правда.

Я не настаивала. Я подумала, что это просто усталость. В конце концов, у всех бывают такие вечера, когда аппетит пропадает. И я снова улыбнулась, кивнула и перевела взгляд на папу, который рассказывал о важности «чистоты помыслов».

Внезапно Марта поднялась из-за стола.

— Простите, мне нужно выйти на минутку, — её голос звучал легко и непринуждённо. — Я скоро вернусь.

Никто не обратил внимания. Родители продолжали свой разговор, Деклан рассказывал какую-то забавную историю из своей художественной мастерской.

Через несколько минут у Деклана зазвонил телефон, и он тоже поднялся. Его лицо было безмятежным, как у человека с хорошими манерами.

— Прошу меня извинить, — сказал он тихо, направляясь в сторону слабоосвещённого коридора.

Я заметила его уход. Заметить было нетрудно — он был высоким, широкоплечим, его фигура на мгновение заслонила свет из коридора. Я мельком увидела, как его рука коснулась дверной ручки, и тут же отвела взгляд.

Прошло несколько минут. За столом зазвучали новые разговоры. Зои всё так же сидела с опущенными глазами, ковыряя вилкой в тарелке. Было в этом что-то тревожное, но я не могла понять, что именно.

Внезапно Зои уронила вилку. Звук удара о тарелку прозвучал на удивление громко в общем гомоне.

— Простите, — быстро проговорила она, поднимая вилку дрожащей рукой. — Я... я такая неуклюжая.

Я встала.

— Я принесу тебе другую, — сказала я, стараясь, чтобы мой голос звучал спокойно. — И заодно схожу в уборную.

Я вышла из столовой, чувствуя лёгкое беспокойство. Не знаю, почему, но я ощущала, что что-то не так. Мои шаги были тихими, почти бесшумными на старых половицах.

Я зашла в уборную, сполоснула руки под прохладной водой, посмотрела на себя в зеркало, по-прежнему улыбаясь. Я вытерла руки о полотенце и уже хотела вернуться в столовую, но что-то заставило меня замереть.

Приоткрытая дверь в комнату — что странно, ведь она всегда была закрыта, когда в доме были гости. Изнутри доносился слабый, почти неразличимый звук — шёпот, смех, тихий всхлип. Я подошла ближе, сама не понимая, зачем. Может быть, я хотела убедиться, что всё в порядке. Может быть, мне просто было любопытно, почему дверь не заперта.

Я заглянула в щель.

Деклан сидел на письменном столе, приподняв Марту и

усадив её на край полированной столешницы. Её ноги были согнуты в коленях, его руки — одна на её бёдрах, а другая между ног Марты, пальцы впивались в ткань платья. Они целовались. Жестоко, пожирающе, словно каждый хотел проглотить другого без остатка. Его вторая рука скользнула по её бедру выше, и она не остановила его. Она тихо застонала — коротко, глубоко, с интимной хрипотцой, и у меня перехватило дыхание.

Я отшатнулась, как от удара. Сердце забилося где-то в горле, громко и глухо, заглушая все остальные звуки. Я прижалась спиной к стене, не в силах двинуться.

Что я только что увидела? Марта — та самая Марта, которая сегодня утром сияла на службе, которая пела о чистоте и любви к Господу? Деклан — парень, о котором Зои вздыхала последние три месяца? Они же оба из общины. Они же оба должны быть примером. Они же оба делают вид, что всё в порядке.

Я заставила себя сделать шаг. Потом ещё один. Я добралась до уборной, закрыла за собой дверь и прислонилась к ней, пытаясь восстановить дыхание.

В голове гудела пустота. Мысли не складывались в связанные предложения.

Они целовались и ещё Бог знает чем занимались. Они знают, что это неправильно. Как она могла? А как же Зои?

Я видела их лица, их благочестивые улыбки, их руки, поднятые в молитве. И те же руки — впивающиеся в бёдра Мар-

ты.

Я провела ладонями по лицу, чувствуя, как они дрожат. Воздух был тяжёлым, спёртым, пахнувшим старым деревом и воском. В голове крутились обрывки проповедей, стихов из Библии, маминых слов о скромности. И всё это разбивалось о ту картину, которую я только что увидела. О железную хватку, с которой Деклан прижимал Марту к себе, о её запрокинутой голове, об их приглушённых голосах, в которых звучало что-то такое, чему не было места в нашем мире.

Я смотрела на своё отражение в зеркале. Глаза потемнели. Бледное лицо, расширенные зрачки, губы сжаты в тонкую линию. Я не узнавала себя.

Что я должна сделать? Сказать Зои? Или сказать родителям? Может быть, я просто должна молчать. Я не так поняла? Но я знала, что видела, знала, что не ошиблась. Я видела это своими глазами, и теперь эти глаза жгло изнутри.

Я вышла из уборной, натянув на лицо спокойную улыбку. Мои руки всё ещё дрожали, но я спрятала их в складках платья. Когда я вернулась за стол, Марта и Деклан уже сидели на своих местах, как ни в чём не бывало. Марта улыбалась родителям, Деклан что-то рассказывал мистеру Харрисону.

Я встретила взглядом с Зои. Она смотрела на меня странно — почти испуганно, почти умоляюще. Я перевела взгляд. Она снова уставилась в тарелку, где еда уже остыла.

Я смотрела на её поникшие плечи, на её дрожащие пальцы, которые сжимали вилку. Она знала? Знала ли она о них?

Или просто чувствовала, что что-то не так? Я не знала. И это давило на грудь тяжестью, с которой я не могла справиться.

Вдруг я увидела, как Деклан, не поднимая глаз, легко коснулся руки Марты под столом. Она не отдернула руку. Она просто продолжала улыбаться родителям.

Я не могла дышать. Я почувствовала, как тошнота подступает к горлу.

Любовь всё покрывает? Чью любовь? Тех, кто притворяется? Или тех, кто не знает, что их предадут?

Где же тогда правда в этом мире, если те, кто учат нас чистоте, сами пожирают друг друга в полумраке чужих комнат?

Я смотрела на Зои, на её бледное лицо, и мне хотелось кричать. Кричать так, чтобы все услышали. Чтобы они поняли, что я видела. Чтобы они знали, что их благочестие — это просто хорошо отрепетированный спектакль.

Вместо этого я улыбнулась и поправила волосы, словно ничего не случилось.

Но внутри меня начинал зарождаться тот самый холодный, острый и очень опасный вопрос, от которого у меня заныло в груди: если те, кто учат меня любви, сами не знают, что это такое — то чему, чёрт возьми, я должна верить?

И этот вопрос будет преследовать меня до тех пор, пока я не найду на него ответ

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.